

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.2.1

О ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ И ВОЗМОЖНЫХ ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯХ

Черныш Михаил Федорович¹

¹Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждается кризис российской науки, связанный с сокращением международных контактов России и развитых стран в научно-технологической сфере. В текущей ситуации можно лишь констатировать, что российские научные учреждения, российская наука в целом, ослабленные провальными реформами, находятся в экономической (оборудование, реактивы), информационной (журналы и другие научные публикации) и символической («назначение» научных статусов) зависимости от науки в странах Запада. Основные риски для российской науки связаны с (1) резким сокращением финансирования, (2) сужением демографической базы и оттоком учёных из профессии, а также (3) общим снижением качества проводимых исследований. В статье предлагается ряд взаимосвязанных мер поддержки российской научно-технологической сферы, позволяющих сохранить науку в качестве ресурса развития страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

российская наука, риски для российской науки, международное научно-технологическое сотрудничество, наука как стратегический ресурс, меры по поддержке российской науки, реформа российской науки

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Черныш М. Ф. О текущей ситуации и возможных её последствиях // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 15–26.

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.2.1

Методологически понять происходящее помогает принцип институциональной гомологии. Суть его в том, что институты в обществе находятся в согласованном состоянии (иначе, как полагал Радклифф-Браун, неизбежен разрушительный конфликт). Именно это качество согласованности норм и ценностей в разных контекстах позволило Питириму Сорокину говорить об интегральной, системно организованной природе каждого общества. Если российская экономика функционирует как рентная, то и в обществе, в разных его сферах будут культивироваться те же самые рентные принципы. Если в сфере экономики активно продвигалась идея «энергетической империи», черпающей силу прежде всего в природных ресурсах российской территории, то можно предположить, что и в других сферах жизни будет воспроизводить себя не инвестиционный, а распределительный или раздаточный принцип.

Не надо далеко ходить, чтобы понять, как этот принцип работал и работает применительно к такой сфере, как наука. Как, к примеру, чиновники на ключевых постах в структуре управления объясняли кризис российской науки? Предлагалось исходить из того, что её плачевное состояние – это не результат небрежения, а итог её слабой, недостаточной интеграции в мировую науку. Наука глобальна, поучали они, и не имеет никакого значения, кто и где получает научный результат. Если нам необходимы продукты научной деятельности, мы с лёгкостью получим их у тех, кто их производит, – они находятся в общем доступе. В этом тезисе скрывалось, разумеется, незатейливое лукавство. Все, кто причастен к науке, отлично понимают, что наука – да, действительно, глобальна как информационное поле, но отнюдь не глобальна в том, что касается производства научных достижений.

Во-первых, в глобальной науке существует собственная иерархия функциональной значимости, в которой на первых местах – крупнейшие научные центры западных стран, а на периферии – те, кто большую науку себе позволить не может. Эта иерархия вполне предметна, если изучить частоту получения учёными из разных стран Нобелевской и других научных премий. Они, как известно, обычно достаются учёным из развитых стран и в первую очередь – исследователям из США и Великобритании.

Во-вторых, именно развитые страны прилагают огромные усилия для установления не только экономического, но и символического господства в глобальном поле науки. Неслучайно именно развитые страны «держат» под полным контролем наиболее влиятельные системы индексирования научных изданий и публикаций. В первом квартале Web of Science – фактически только американские или британские издания. Беспроblemное вхождение в эту систему, хотя бы на второстепенных позициях, обусловлено в числе прочего позицией страны, развивающей науку, характером её отношений с теми, кто устанавливает и воспроизводит правила игры в научной сфере. Если отношения между странами становятся конфликтными, то это неизменно отражается на распределении статусов в научной сфере. Стоило отношениям

между США и Китаем ухудшится, как США начали планомерную кампанию по «отмене» китайской науки и китайских учёных. Международные программы исследований, финансировавшиеся из китайского бюджета, получили статус «оборонных», «опасных для интересов США», учёные из США, которые отважились в этих программах участвовать, получили «чёрную метку» – оказались на грани увольнения или исключения из числа получателей американских грантов. В некоторых случаях речь заходила об уголовном преследовании.

Как только отношения между США и Россией стали ухудшаться, это не сразу, но постепенно стало отражаться на возможностях российской науки, её состоянии. Российских учёных сначала ограничили в участии, а затем и полностью исключили из глобальных проектов мегасайенс, объявлялись запреты на оборудование или реактивы, необходимые для исследовательской деятельности. Надо оговориться: речь идёт именно об учёных, работающих в России; на тех российских учёных, которые переехали в другие страны и работают в западных научных центрах, упомянутые ограничения не распространяются.

Наверное, сложностей у российской науки было бы меньше, если бы государство в предшествующий период проявляло действительную заинтересованность в её развитии, если бы у неё имелись собственные ресурсы – человеческие, материальные и символические – для реализации проектов глобального значения. Однако не только древняя, но и новейшая история не знают сослагательного наклонения. В текущей ситуации можно лишь констатировать, что российские научные учреждения, российская наука в целом, ослабленные провальными реформами, находятся в экономической (оборудование, реактивы), информационной (журналы и другие научные публикации) и символической («назначение» научных статусов) зависимости от науки в странах Запада. Фактическая «отмена» российской науки практически ничем не угрожает научным исследованиям в этих странах, но для неё самой, для многих её дисциплин эта отмена будет иметь самые негативные, а возможно, в длительной перспективе – и фатальные последствия.

И ещё одна важная деталь. Под успокаивающие разговоры о «глобальности» науки упускалось из виду, что науки бывают разные, что наука охватывает собой не только естественно-научные дисциплины, но и науки о культуре, о духе, которые крепко привязаны к той почве, на которой они вырастают. Каждая «почва» вносит свой вклад в общую кладовую мировой науки, становится достоянием всей дисциплины, но от этого не утрачивает своей особенности, заключённой в специфических условиях становления научных школ. Эмиль Дюркгейм, один из основателей современной социологии и её метода, важен для всей мировой общественной науки (не только социологии), но от этого он не перестаёт быть французским социологом, работавшим в обществе, охваченном кризисом, искавшим возможные пути его консолидации. Питирим Сорокин и Николай Кондратьев внесли огромный вклад в становление современной общественной науки, но теории общественной и экономической цикличности, которые они разрабатывали, вне всякого сомнения, обязаны происхождением российской общественной мысли, её историко-культурному контексту.

С учётом сказанного каковы могут быть последствия текущего кризиса для российских учёных? Вполне вероятно, если ситуация не изменится и государство не примет настоящих, действенных мер поддержки, в обозримой перспективе ускорится деградация российской науки, особенно экспериментальной, нуждающейся в продвинутом оборудовании, реактивах, доступе к установкам мегасайенс и, кроме того, чего греха таить, и в притоке денег из западных научных фондов. Какое-то время наука будет находиться в состоянии застоя, выжидания, а далее наступит период её резкого, бесповоротного сокращения.

Если процесс деградации продолжится, а стандарты оплаты труда в науке останутся прежними, возникнет известная в исследованиях миграции ситуация «разности давлений» – «насос», создающий стимулы для более активного отъезда российских учёных за рубеж. Будут уезжать, как это бывало и в прошлом, прежде всего молодые и талантливые, причём отъезд, как следует из имеющегося опыта, будет не временным, а навсегда, на постоянное место жительства. Делать это они будут не от отсутствия патриотизма, а от безысходности, от невозможности заниматься любимым делом на родине. Научная эмиграция существенно скажется на качестве научных кадров и качестве исследований, проводимых в России. Надо понимать, что российские бюрократы, демонстрировавшие показное равнодушие по отношению к научной миграции – «пусть, мол, едут, наука глобальна, вернутся с новыми знаниями», намеренно вводили общественность и органы управления в заблуждение. Значимого притока учёных в обратную сторону не наблюдалось и в более благополучные времена, а в период ухудшения ситуации он ещё менее вероятен. Важно и то, как осуществлялось это «возвращение»: речь, как правило, шла о частичном, временном присутствии, удалённом доступе при обильном государственном финансировании реализуемых «приглашённым профессором» проектов.

Надо признать, что существуют и будут оказывать влияние факторы, способные притормозить отток учёных. Один из самых значимых из них – существенное изменение отношения к выходцам из России за рубежом. Культура «отмены», как уже теперь ясно, касается не только политиков, не только тех, кто вовлечён в сферу принятия решений, но и всех тех, кто не скрывает своих связей с Россией, смеет говорить на русском языке, имеет российский паспорт. Первая волна «руссохейтерства» пошла в настоящее время на спад. Однако это не должно никого обманывать: на бытовом уровне предрассудки, направленные против всего русского и всех русских, сохраняются, хотя и принимают чаще всего неявный, непроговариваемый характер. На словах системные акторы декларируют и будут декларировать толерантность, равнодушие ко всем тем характеристикам, которые социологами именуется аскриптивными, присваиваемыми от рождения. В реальности выходцев из России будут притормаживать мелкими придирками, претензиями формального характера, отсылками к неким внешним обстоятельствам, но, как правило, словесный флёр – это лишь ширма, которой будет прикрываться стремление уязвить российских граждан, причём даже тех, кто готов продемонстрировать свою оппозиционность. Энергичных молодых людей, име-

ющих серьёзные заделы в науке, эти препятствия не остановят, в крайнем случае, несколько задержат, но возможны и случаи, когда факты дискриминации повлияют на решение уехать или остаться.

Вторая неизбежная тенденция заключается в том, что пожилые, заслуженные учёные будут «сходить со сцены» по причинам естественного, биологического характера. Ресурс, который заключён в этом поколении научных работников советской закалки, равен примерно пяти годам от текущей даты. Тех, кто мог бы прийти им на смену, не так много. Численность учёных в средних возрастных группах невелика, сказались 90-е, когда процесс воспроизводства науки фактически остановился. Все эти тенденции вкуче могут привести к тому, что к 2030 году эта цифра сократится до примерно 350 тысяч, а может быть, и более существенно. Кроме того, следует ожидать, что в России по изложенным выше причинам (исход наиболее опытных и активных, нехватка реактивов и оборудования) снизится качество проводимых исследований, а также – и об этом тоже следует упомянуть – качество профессорско-преподавательского состава в российских вузах.

Дело в том, что фундаментальная наука и вузы всегда находились в состоянии симбиоза. Полного слияния научного процесса и процесса обучения не происходило, да и не должно было происходить в обстоятельствах, когда и наука, и образование работали в мобилизационном режиме, концентрированно решали важнейшие государственные задачи повышения обороноспособности и подготовки собственных, квалифицированных кадров. Но каналы связи между фундаментальной наукой и образованием работали, именно в научных учреждениях повышали квалификацию и получали исследовательскую практику вузовские преподаватели, а учёные Академии во многих случаях вели курсы в вузах, готовили аспирантов, курировали работу вузовских лабораторий.

Эти не всегда наблюдаемые «сообщающиеся сосуды», связывающие науку и образование, имели и имеют как преимущества, так и недостатки. К числу последних можно отнести и взаимозависимость этих разных, по-разному управляемых сфер. Если снижается уровень науки, если процесс воспроизводства кадров нарушается в фундаментальной науке, это не может не сказаться на качестве учебного процесса, на качестве преподавания в высших учебных заведениях. Проблема в том, что материя, о которой идёт речь, непростая, а эффекты управленческих решений проявляют себя не сразу, а спустя годы. Однако от этого эффекты не перестают быть реальными и разрушительными не только по отношению к науке и, соответственно, образованию, но и к обществу в целом.

Общество тоже страдает от потери качества как в науке, так и в образовании. Отложенные эффекты резких, безапелляционных управленческих решений, к которым так склонны российские чиновники, создают у них ощущение свободы рук, возможности делать всё, что заблагорассудится, предлагают «регулируемым» субъектам мириться с этими решениями и адаптироваться к ним. Между тем, эта свобода мнимая, последствия неудачных решений всё равно, рано или поздно, наступают, пусть даже не для самих чиновников (многие из них мыслят в парадигме «после нас хоть потоп»),

но для общества, которое вдруг обнаруживает, что вместо развития, вместо изменений к лучшему оно получило состояние застоя, а то и упадка.

Справедливости ради, надо отметить, что процесс деградации скорее всего будет менее заметен в общественных и гуманитарных дисциплинах. Это связано с теми серьёзными сдвигами, которые произошли в российской системе образования в предыдущий период: доля гуманитариев в общей численности выпускников высших учебных заведений высока. Но, поскольку «экономику впечатлений», объявленную в программе 2020, построить так и не удалось, выпускникам гуманитарных и социальных факультетов придётся адаптироваться к текущему состоянию рынка – либо пополнять контингент молодых учёных, либо менять профессию, перемещаясь на те позиции, где высокая квалификация и подтверждающий её диплом не необходимы. При этом качество исследований в названных областях науки вряд ли станет выше нынешнего, а скорее всего понизится. Одной из причин этого станет уже упоминавшиеся выше институциональные реформы, затрудняющие процесс воспроизводства кадров высокой квалификации. Доля учёных-гуманитариев, имеющих докторскую степень, постоянно сокращается, старшее поколение уходит, перспективы пополнения молодыми профессорами вузовских кафедр или диссертационных советов становятся всё туманнее.

Можно ли в текущей ситуации говорить о постепенном свёртывании самого проекта большой науки в России? Похоже, эта идея всерьёз обсуждается в коридорах власти с самого начала реформ. По всем поведенческим свидетельствам, наука, тем более фундаментальная, рассматривается многими высокопоставленными представителями власти как бремя, непосильное для сырьевой экономики. Отсюда целый ряд проектов, призванных якобы принести пользу, но по сути своей разрушительных. Первый из них – это перенесение науки в вузы, то есть в реальности дальнейшее, резкое сокращение численности учёных, окончательная ликвидация РАН и перевод её институтов с сокращёнными штатами под юрисдикцию крупных университетов. Очевидно, что подобные реформы равносильны для науки *coup de grace*, выстрелу в голову, призванному закончить её самостоятельное существование. Российские вузы, даже ведущие, в большинстве своём не приспособлены к ведению научной деятельности, они создавались не для этого. Вузовские преподаватели перегружены учебными часами, для занятий наукой по-настоящему, всерьёз у них нет ни сил, ни необходимых компетенций. При этом возможности подвергнутых подобному секвестру научных институтов будут таковы, что никакой реальной науки они производить не смогут. К этому надо добавить и то, что далеко не все учёные смогут с лёгкостью переключаться от кропотливой лабораторной работы к чтению лекций, ведению семинаров. Не всем дано быть учёными, но и не всем дан талант обучать студентов, делать это так, чтобы они понимали, о чём идёт речь. Но, наверное, самый серьёзный недостаток заключается в особом порядке финансирования науки, которое будет опосредовано ещё одним звеном в управленческой иерархии. Ректоры вузов заинтересованы, конечно же, в том, чтобы развивать исследовательские направления, но всё же первоочередной задачей считают и будут считать подготовку квалифицированных кадров – бакалавров и магистров.

Наука, таким образом, отодвигается ими в ряду задач на второстепенные роли и будет развиваться в меру тех возможностей, которые совместимы с процессом обучения. Пытаясь спорить с этим прогнозом, не стоит ссылаться на зарубежный опыт. Работающие в России учёные и преподаватели отлично понимают, что там – одно, а у нас всегда другое. Там – 160 часов лекций и семинаров в семестр, а у нас 750 часов и более, там – заработная плата учёных или преподавателей – одно, а у нас оклады учёных часто ниже зарплат дворников или курьеров.

Второй план реформирования, который предлагалось рассмотреть совсем недавно, можно было бы именовать как подгонку масштабов науки под «прокрустово ложе» имеющихся возможностей так, как они определяются регулирующими инстанциями. Речь идёт о том, что из всех областей российской науки выделить те, что действительно преуспевают, оставить их на довольствии, а остальные закрыть. Если использовать организмическую метафору, то абсурд подобных предложений становится более чем очевиден. Оставить накачанные мышцы рук, но отказаться от головы и печени, сохранить сердце, но пожертвовать селезёнкой. В данном случае организмическая метафора неслучайна, планы разъять науку и выделить в ней что-то эффективное коренятся в технократическом, линейном восприятии мира как механической конструкции с избыточными элементами. На самом деле институт науки имеет в основании общие начала и имманентную междисциплинарность, без которой развитие отдельной дисциплины попросту невозможно. Достаточно вспомнить, что первоначально социология именовалась «социальной физикой», принципы исследования социального мира она заимствовала из естественных дисциплин. Но и естественные дисциплины никогда не существовали отдельно друг от друга. Луиджи Гальвани не смог бы сделать открытия в области физиологии, не пытавшись понять природу электричества, а химик Менделеев не смог бы создать известную таблицу, если бы не вторгался в ту область, которая одной химией не покрывалась. Отдельные, «отрезанные» от других дисциплины могут существовать только в том случае, если они интегрированы на самом высоком уровне в те пространства научных изысканий, где взаимодействие между дисциплинами сохраняется. Выражаясь простым языком, речь идёт о том, чтобы «запитать» российской наукой западные исследовательские центры, приведя российскую науку в полную методологическую зависимость от них.

Эти планы выдают ещё одну слабость бюрократической трактовки науки. Наука мыслится линейно, как продолжение уже имеющихся тенденций. Если нанотехнологии выглядят привлекательно сегодня, то таковыми они будут и завтра. Именно это направление следует развивать, в него следует вкладывать имеющиеся невеликие ресурсы. А что делать, если «хайп» по поводу нанотехнологий пошёл на спад, если вдруг обнаружилось и стали возможны прорывы в совсем других направлениях исследований? Закрывать нанопроекты, формировать новые коллективы, менять акценты в государственной программе развития науки? А что если эти новые достижения, новые горизонты никак не связаны с физикой, а появились, к примеру, в изучении функций головного мозга и его возможностей? Печальный опыт закрытия

направлений в угоду новым модным веяниям в российской науке имеется. В своё время генетика была объявлена «продажной девкой империализма», выдвинута из российской науки, а когда идеологический морок прошёл, выяснилось, что российская наука отстала от мирового уровня настолько, что ей необходимы десятилетия для того, чтобы наверстать упущенное.

Не следует забывать печальный советский и постсоветский опыт: ломать оказалось гораздо легче, чем строить, а строить приходилось на том фундаменте, который имелся в наличии. Развитые институты созревают на той почве, на которой высажены, соединяемые ими формы и содержание связаны неразрывно, исторически, и любые попытки радикального реформирования не улучшают ситуацию, а усугубляют её. Сказанное не означает, что улучшения невозможны в принципе, что любое реформирование пагубно и принесёт лишь ущерб. Курс на развитие необходим, причём определять его необходимо именно сейчас, когда не только наука, но и страна оказались перед экзистенциальным выбором. Ответ на извечный вопрос «Что делать?» отчасти дан выше, в описании тех обстоятельств, которые привели к кризису российской науки. Постараемся упорядочить сказанное, расположив возможные меры по сохранению науки в структурном порядке:

1. Финансирование науки должно быть увеличено по меньшей мере в три раза, вровень с теми цифрами, которые характеризуют большинство развитых и развивающихся стран. Не 1% от ВВП, как в настоящее время, не 34-е место, а 3%, как, например, в Японии или Германии. Чтобы понимать практики финансирования науки, важно принимать во внимание не только долю ВВП, но и размер экономики. Так, в Китае уровень финансирования в два раза выше российского, но размер китайской экономики таков, что эти 2,40% составляют 582,804 млрд долларов в год по ППС против 47,954 млрд долларов в России (по данным ОЭСР за 2020 г.). Иными словами, в абсолютных цифрах в Китае на науку тратится в 10 раз больше, чем в России. В Республике Корея, сопоставимой с Россией по размерам ВВП, на науку расходуется 112,868 млрд долларов, то есть в два раза больше, чем в России¹. Если подытожить, одним из важнейших условий сохранения науки является преодоление пагубных последствий предыдущего периода, в который ключевой институт развития общества рассматривался как забалансовая, избыточная для страны стоимость.
2. Полноценное финансирование науки – это одно из условий восстановления её воспроизводства. Рассчитывать на то, что в науку придут лучшие из студентов и лучшие из аспирантов, можно только в том случае, если уровень заработных плат в науке будет не на бумаге, а в реальности в несколько раз выше медианной величины дохода в России. Именно к такой практике прибегают, к примеру, власти Индии, где медианные доходы невысоки, а заработные платы учёных и преподавателей вузов находятся на том уровне, который стимулирует выпускников вузов работать в стране.

¹ Main Science and Technology Indicators // OECD.Stat : [сайт]. URL: <https://stats.oecd.org> (дата обращения: 10.06.2022).

3. Молодые учёные должны иметь чёткое представление о том, каковы их перспективы в том случае, если они выберут науку, каковы будут ступеньки их карьерного продвижения. Одна из «антистатусных» мер, имевших негативное влияние, заключалась в том, чтобы отменить в научных учреждениях и вузах доплату за учёную степень. Парадокс этого решения в том, чтобы повышенного вознаграждения лишались те, кто, готовя диссертацию, публикуя необходимые для защиты работы, доказывал свою научную состоятельность. Кроме того, так сложилось, что степень была и остаётся процедурой научной инициации. Непреднамеренным последствием подобного решения стал отток молодых кадров из науки: какой толк в защитах, в сложных работах, если они никак не оцениваются и не вознаграждаются в должной мере? По характеру разрушительного воздействия можно сравнить эту меру с теми уравнительными решениями, которые принимались в период военного коммунизма. Основной принцип, который должен быть положен в основу социальной мобильности в научной сфере: чем выше квалификация учёного, тем больше должны быть его доходы. Говорить о стимулирующих надбавках как средстве достижения этой цели не имеет смысла. Надбавки, о которых идёт речь, полагаются тем, кто больше публикуется, они сиюминутны, отражают текущие достижения по части публикаций, но при этом не создают мотивации в долгосрочной перспективе. Для того, чтобы получать эти надбавки, вообще не нужны ни степени, ни долгосрочные проекты, ни планы научной карьеры.
4. Необходимо возродить научную аспирантуру, но не как «очередную» энную ступень образования, а как инструмент включения в научные исследования, как этап подготовки к научной или образовательной деятельности. Ситуация, при которой аспиранты заканчивают аспирантуру, не написав ни одной достойной научной работы, сама по себе абсурдна. Институт аспирантуры в этой системе обесмысливается и всё меньше соотносится с идеей научного образования. В настоящее время аспирантура работает вхолостую, её выпускники редко трудоустроиваются в научных или образовательных учреждениях.
5. Необходимо для блага науки повышать в ней значение показателей научного статуса при одновременном снижении в ней роли административного, управленческого фактора. Руководители научных или образовательных учреждений не должны назначаться пожизненно. Было бы правильно проводить ротацию кадров на управленческих позициях, ограничивая срок нахождения учёного в роли руководителя 4–5 годами. При этом доходы администратора в сфере науки не должны превышать медианные доходы сотрудников учреждения более, чем в 4 раза. Любой руководитель должен знать (как это обычно происходит во многих других странах), что по истечении 4–5 лет он окажется в прежней, профессорской роли и должен будет проводить исследования, публиковать книги, вести занятия.

6. Было бы важно не сокращать, а увеличивать роль грантовой поддержки научных исследований. Одногo грантооператора на всю российскую науку явно недостаточно. Необходимы несколько государственных грантооператоров, решающих разные по длительности и фундаментальности задачи, но, кроме этого, и грантооператоры, финансируемые крупными субъектами экономической деятельности, например, фонды, учреждаемые крупными компаниями, заинтересованными как в укреплении своего имиджа, так и в том, чтобы получать для пользы дела конкретные научные результаты.
7. Важно популяризировать науку в молодёжной среде, акцентировать её достижения, делать ведущих учёных ролевыми моделями для молодёжи. Вкупе с повышением финансирования науки эти символические жесты в её сторону смогут формировать общественные настроения в пользу науки, в пользу научной карьеры. Особенно активно этот процесс должен развиваться в сетевой, электронной среде. Печально, что успешные агрегаторы электронных университетских курсов, лекций ведущих учёных находятся не в России, а исключительно за рубежом, как правило, в США. В настоящее время Coursera и EDX перекрыли доступ к своим курсам для российских слушателей, и это ещё раз выставило напоказ слабости российской программы популяризации науки. О том, как может и должен протекать процесс популяризации науки, можно говорить долго и подробно. Это, безусловно, предмет специального, заинтересованного разговора.
8. Необходимо развивать российские научные журналы, включая специальные и общенаучные. Что-то в этом направлении в последнее время начали делать, однако, как всегда, когда что-то делается под влиянием момента, принимаемые решения не имеют свойств последовательной программы. Делается всё с мыслью «вот сейчас что-то сделаем, а завтра всё вернётся на круги своя». Надо понимать, что на круги своя всё не вернётся ни завтра, ни послезавтра. И если о качестве российской научной продукции не позаботиться сейчас, в недалёком будущем сам предмет заботы перестанет существовать. Особой темой должны стать электронные библиотеки, в которых научные журналы должны обязательно присутствовать и быть в свободном доступе. Не только журналы, но и монографии должны быть размещены на сайтах в сети, например, на сайтах Российской государственной библиотеки, других крупных российских библиотек. Присутствие научных публикаций в сети могло бы сплотить научное сообщество России, стимулировать обмен идеями между разными школами и сообществами учёных.

Если резюмировать, для сохранения и развития российской науки необходима проактивная позиция государства, демонстрация обществу, что наука не падчерица, от которой надо постепенно избавляться, а ценнейший ресурс, обеспечивающий стране будущее, а её населению – уникальную область творчества и достижения. На сегодняшний день от таких стран, как Нигерия, Мексика или Венесуэла, Россия отличается именно тем, что со-

храняет, хотя и со значительными лакунами, доставшийся ей по наследству институт большой науки. Именно наличие этого института даёт возможность относить Россию к числу современных и перспективных, ориентированных на развитие обществ.

Статья поступила в редакцию 13.04.2022.

Одобрена после рецензирования 09.06.2022. Принята к публикации 14.06.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Черныш Михаил Федорович *chernysh@fnisc.ru*

Член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 235258

ORCID ID: 0000-0002-8169-0933

Scopus Author ID: 55954329200

Web of Science ResearcherID: B-5133-2016

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.2.1

ON CURRENT SITUATION AND ITS POSSIBLE CONSEQUENCES

Mikhail F. Chernysh¹

¹Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the crisis of Russian science associated with the reduction of international contacts between Russia and developed countries in the scientific and technological sphere. In the current situation, we can only state that Russian scientific institutions, Russian science as a whole, weakened by failed reforms, are in state of economic (equipment, reagents), information (journals and other scientific publications) and symbolic (“assignment” of scientific statuses) dependence on science in Western countries. The main risks for Russian science are associated with (1) a sharp reduction in funding, (2) a narrowing of the demographic base and the outflow of scientists from the profession, as well as (3) a general decline in the quality of ongoing research. The article proposes a number of interrelated measures to support the Russian scientific and technological sphere, which make it possible to preserve science as a resource for the country’s development.

Keywords: Russian science, risks for Russian science, international cooperation in science and technology, science as a strategic resource, measures to support Russian science, reforms of Russian science

For citation: Chernysh, M. F. (2022). On Current Situation and its Possible Consequences. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 4, no. 2. P. 15–26.

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.2.1

The article was submitted on 13.04.2022.

Approved after reviewing 09.06.2022. Accepted for publication 14.06.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chernysh Mikhail *chernysh@fnisc.ru*

Corresponding member of the RAS, Doctor of Sociology, Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia

AuthorID РИНЦ: 235258

ORCID ID: 0000-0002-8169-0933

Scopus Author ID: 55954329200

Web of Science ResearcherID: B-5133-2016